

УДК 811.161.1'0

*А.М. Плотникова, К.В. Старикова****ДИНАМИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВЗЯТКА»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ****

В статье рассматривается семантика слов, образующих лексико-семантическое поле «взятка», активно пополняемое в современном русском языке. Дается обзор лексических и фразеологических единиц, отраженных в различных лексикографических источниках и служащих обозначению такого социального порока, как взяточничество. Показано, как расширяется словообразовательное гнездо с корнем *взятк-*, как формируется состав лексических единиц данного поля в разговорной речи и как представлено это поле в юридическом языке. Соотношение терминологической лексики и разговорного бытования слов данного поля показывает различия в объеме значений ряда единиц. На материале Национального корпуса русского языка представлен анализ сочетаемости слова *взятка*, позволяющий реконструировать социальный портрет данного явления. Особое внимание уделено системе эвфемистических номинаций, выполняющих различные прагматические функции: сокрытие сущности действий, изменение знака оценки с отрицательной на положительную, снятие коммуникативного дискомфорта. Рассматривается, как осуждение взяточничества сменяется амбивалентным отношением к этому явлению в современных публицистических текстах.

Ключевые слова: семантика, прагматика, лексико-семантическое поле, эвфемизм, юридическая терминология.

Распространенность такого социального порока, как взяточничество, определяет частотность лексических и фразеологических единиц, входящих в семантическое поле, которое группируется вокруг слова *взятка*. Толковые словари русского языка определяют взятку как «деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего» [1, с. 128]. В юридическом языке взяткой правильнее называть не только незаконно получаемые деньги и другие материальные ценности, но и любую иную выгоду нематериального характера «за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица, либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе» [2]. Такое несовпадение объема значений слов отмечалась в литературе [3]. Согласно Уголовному кодексу РФ, взяточничество относится к преступлениям, подлежащим наказанию. Состав данного преступления может заключаться в даче взятки, посредничестве при передаче взятки и получении взятки. В наивном языковом сознании взяточничество связано с получением взятки.

* © Плотникова А.М., Старикова К.В., 2016

Плотникова Анна Михайловна (annamp@yandex.ru), *Старикова Ксения Витальевна* (starikovaksenija@yandex.ru), кафедра современного русского языка и прикладной лингвистики, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

** *Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).*

Как правило, адресатами взятки становятся лица, являющиеся частью государственной структуры: сотрудники правоохранительных органов и члены исполнительной власти («представители закона»), так называемые бюрократы (чиновники), то есть лица, в руках которых в большей или меньшей степени сосредоточена какая-либо власть. Устоявшееся представление о том, в каких ведомствах активнее всего дают и берут взятки, породило словосочетания *взяткоемкая должность, взяткоемкость структур, система, построенная на взятках*. Слово *взятка* входит в богатое словообразовательное гнездо, которое продолжает активно пополняться и выступает в качестве мотивирующей базы для образования существительных со значением лица, производящего действие (*взяткодатель, взяткополучатель*), и для существительного со значением лица, названного по предмету, характерному для его деятельности (*взяточник*).

В настоящее время слово *взятка* расширило свой деривационный потенциал. Среди новообразований отмечены окказиональные номинации лиц, участвующих во взяточничестве: *взяткобратели* и *взяткохваты* («*Могу сказать только одно, я ни копейки не платила и не собираюсь платить, так как взяткодатель и взяткобратель одним миром мазаны!*», «*Взяткохват судья, не имеющий ни совести, ни чести, вершит дела по своим прибыткам*»), а также существительное *взяткобрательство*.

Известно, что взяточничество не является чем-то новым в истории нашей страны, так как взятка как форма подношения властям существовала всегда: достаточно вспомнить систему кормления в Древней Руси, и поэтому неудивительна синонимическая и фразеологическая плотность слов данного семантического поля. «Словарь синонимов русского языка» фиксирует следующие номинации: *мзда; подмазка* (прост.); *дача* (устар.); *барашек в бумажке; бакшиш* (устар. разг.); *хабар, хабара, хапанцы* (устар. прост.) [4, с. 53]. У каждого слова, вошедшего в данный перечень, можно выделить ряд семантико-стилистических особенностей.

Словарь Н. Абрамова, ориентированный на иные лексикографические принципы, дает более развернутый вариант синонимического гнезда слова *взятка*, в которое вошли не только отдельные слова, но и сходные по значению выражения: *подарок, благодарность, мзда, подкуп, посул, бакшиш, хабар, халтура, нелегальный (побочный, «безгрешный») доход, барашек в бумажке. Брать взятки — лихоимствовать, мздоимствовать; хабара (-ы) хватить, халтус гевезен, тяпнуть* [5, с. 48]. Большая плотность синонимического ряда, наблюдаемая в приведенных словарных статьях, и большое количество разговорных номинаций взятки свидетельствует о значимости данной реалии для языкового сознания.

В контекстах (здесь и далее публицистические контексты извлечены из Национального корпуса русского языка) также можно выделить ряд номинаций, между которыми в рамках контекстов возникают синонимические отношения: *взятка, воровство, подкуп, коррупция, подношения* («*Массовое воровство, взятки, подкуп в законодательной власти*»; «*Доходит до того, что многие коммерсанты заранее планируют расходы на взятки и подношения, считая это дополнительной статьей расходов*»). Данные лексические единицы являются синонимичными лишь в границах заданного контекста.

Следует также указать на возникшие в языке родо-видовые отношения между словами *взятка* и *откат* («*Нет, он получает «откат», на их языке, по-русски, — взятку*»). Как отмечено в «Большом словаре русского жаргона», под откатом понимается «часть товара, предмета сделки, идущая на оплату услуг посредника» или «доля прибыли; получение доли прибыли» [6, с. 404]. Само явление *отката* не квалифицируется в словарях как противозаконное, между тем в сфере бизнеса существует понятие *черного отката*, которое имеет следующее значение: «тайная коммерческая операция, когда часть от партии товара бесплатно получает одна из торгующих сторон либо посредник» [6]. В данном случае определение отката как тайной, то есть неофициальной, операции позволяет предположить, что изначально именно словосочетание *черный откат* функционировало в значении особого вида *взятки*, но в дальнейшем слово *откат* вместило в себя значение словосочетания и теперь однозначно ассоциируется с незаконной деятельностью.

В связи с развившимися негативными коннотациями и ассоциациями вокруг слова *взятка* берущие и дающие взятку стремятся заменить его (во избежание возможных правовых последствий) стилистически нейтральной по значению, лишенной отрицательных коннотаций лексической единицей. С этим связана динамика в образовании эвфемизмов и эвфемистических выражений для номинации взятки. Например, знак признательности («*Именно знак признательности, а никакая не взятка*»); благодарность («*Жаль, что границы между благодарностью и взяткой, между любезностью и блатом размыты*»); бонус и мотивация («*Теперь не говорят взятка. Есть ведь более красивые слова: бонус, мотивация*») – все эти эвфемистические обозначения взятки имеют цель максимально снизить ощущение коммуникативного дискомфорта у адресата. Другие примеры эвфемизмов, такие как *комиссионные, необлагаемые налогом, процент от сделки* («*Да и что такое взятка – всего лишь комиссионные, не облагаемые налогом, процент от сделки, улизнувший от государства*»), *оперативные расходы* («*Разница делится по-братски: часть уходит в карман Каменщика, часть на оперативные расходы (читай – на взятки)*»), демонстрируют, как с их помощью осуществляется сокрытие истинного существа дела, а именно, как незаконная трата или присвоение казенных денег выдается за законную финансовую операцию.

Для сокрытия предмета разговора в криминальных диалогах (диалогах, в которых осуществляется незаконная передача денежных средств) коммуникантам необходимо проявить изобретательность в выборе номинаций. Наиболее типовыми приемами выбора номинации являются метонимические замены, при которых говорящий называет деньги *бумагами*. Достаточно широко представлен диапазон метафорических номинаций. Деньги могут уподобляться жидкости и называться «*литрами*», «*бензином*», «*книгами*», «*вениками*» [7]. В таких диалогах реализована конспиративная функция метафор [8], конструируется новый образ референта в результате когнитивных процессов перефокусирования [9].

Явление взяточничества нашло свое отражение и во фразеологии: *дать (давать) на лапу, барашек в бумажке, борзыми щенками брать*, среди которых фразеологическое сращение *барашек в бумажке* функционирует как образный синоним слова *взятка*. Данный фразеологизм имеет пометы *устар.*, *ирон.* и ранее обозначал деньги, которые челобитчик обертывал в бумагу и приносил подьячему, чтобы получить его расположение. Сочетание *барашка в бумажке дать / сунуть* стало общеизвестным в результате его активного употребления в художественных текстах: «*Не знаю уж, какой чудотворец пропихнул меня в гимназию, в приготовительный класс. Думаю, что не обошлось здесь без барашка в бумажке, – сунули, должно быть, кому следует*» (А. Куприн). Фразеологические сочетания *дать (давать) на лапу, сунуть в лапу, сорвать лапу* (получить взятку), *требовать на лапу* (вымогать взятку) и *борзыми щенками брать* являются фразеологическими синонимами и имеют значение «давать (брать) взятку». Выражение *борзыми щенками брать*, пришедшее из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» («*Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам – рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело*») и употребляемое в шутивно-ироническом контексте, предполагает, что взятка будет передана именно натурой, а не деньгами или какими-либо другими выгодами. К числу фразеологических сочетаний, на наш взгляд, следует отнести и словосочетание *обрасти взятками*, которое не зафиксировано в словарях русского литературного языка, но, судя по контекстам, активно употребляется в разговорной речи как коллокация, реализуя значение «глубоко погрузиться в сферу взяточничества; принимать / провоцировать взятки».

Тема взяточничества отражена и в пословицах «*Судьям то и полезно, что в карман полезло*», «*В суд ногой – в карман рукой*», «*Всяк подьячий любит калач горячий*», «*Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода принос*», выражающих пренебрежительное, негативное отношение к явлению взяточничества либо рисующих его в шутивно-ироническом ключе.

Корпусные данные свидетельствуют о том, что слово *взятка* активно сочетается с прилагательными с градиционной семантикой: *большая, крупная, огромная, гигантская*,

баснословная, колоссальная, многотысячная, взятка в особо крупном размере и щедрая, небывалая, невероятная, солидная, безумная. Эти определения (кроме прилагательного *большой*, которое является основным и нейтральным по своему значению) подчеркивают, что взятка значительно превышает свой «допустимый» размер. Определений со значением невысокой степени признака встретилось гораздо меньше: *обычная* («По деньгам выходило, что семье Грыма все равно, где платить — правозащитникам или обычную взятку»), *незначительная* («За незначительную взятку здесь можно было снять хороший номер»), *мелкая* («Вот так делались дела в Москве: за мелкую взятку можно было получить хоть звезду с неба, пусть и в фигуральном смысле»), *элементарная* («Сегодня ситуация такова, что 99 процентов проверок этих организаций, включая милицию, СЭС, торговую инспекцию, пожарников, заканчивается элементарными взятками в той или иной форме»). Но их значения не ограничиваются выражением размера взятки, нормативная оценочная семантика таких слов указывает на то, что взятка стала чем-то привычным, естественным и постоянным в жизни общества.

Адъективная сочетаемость существительного *взятка* показывает, что определения маркируют признак взятки: а) по этнической и территориальной характеристике: *русская, взятка по-московски*; б) по темпоральному признаку: *регулярная, запланированная, незапланированная*; в) по характеру определенности и степени договоренности участников: *откровенная, неоднозначная*; г) по характеру сферы, в которой осуществляется передача взятки: *деловая, бытовая*.

Самыми распространенными глагольными словосочетаниями со словом *взятка* являются конверсивные словосочетания *брать* и *давать взятку*. Остальные словосочетания типа *глагол + существительное взятка*, в зависимости от того, кто является инициатором взятки, можно разделить на две группы: 1) глаголы, обозначающие действие, совершаемое каким-либо должностным лицом с целью получить взятку: *намекать* (на что?), *просить, вымогать, получать, срубить, мучить, собрать, содрать, сорвать, выжимать, провоцировать, отмывать*; 2) глаголы, обозначающие действие, совершаемое каким-либо частным лицом, стремящимся передать взятку с целью получить в ответ на это ожидаемую выгоду: *обещать, всучить, предлагать, совать, подсовывать, понести, раздавать, покупать* (чем?), *сунуть, приручать* (чем?).

При таком широком спектре семантической сочетаемости слова *взятка* с глаголами стоит отдельно обратить внимание на развитие переносных значений: например *приручить взятками* — «посредством взятки вызвать к себе расположение собеседника»; *выжать взятку* — «извлечь как можно больше незаконной выгоды»; *сорвать / срубить взятку* — «добиться / получить выгоду».

Взятничество, наряду с убийством и распространением наркотиков, относится к числу тяжких преступлений, поэтому естественно, что в обыденном сознании носителей языка слово *взятка* встраивается в такие ассоциативные ряды, которые связаны с другими негативными явлениями социума: «По его словам, “в ход шел стандартный набор: лесть, взятки, интриги, угрозы”»; «Насчет всяких там взяток, откатов и прочей уголовно наказуемой гадости...»; «С системой, в описании которой обязательно звучат такие слова, как “бюрократизм”, “взятки”, “коррупция”, “произвол”, “давление”, “вымогательство”, “наезды” — своеобразные экономические термины наших дней». Безусловно, такое количество вариаций преступной деятельности, связанной с получением незаконной имущественной или неимущественной выгоды, обусловлено социальным, политическим, экономическим климатом в стране, а также отношением общества к подобным явлениям.

Иллюстративный материал показывает, что отношение это чаще негативное («*взятка — это преступление*», «*за взятки сажать надо*»), а к людям, дающим / берущим взятку, окружающие относятся с презрением (*опуститься до взятки, польститься на взятку*). Но в то же время взятка воспринимается и как нечто необходимое, вынужденное, а поэтому отчасти одобряемое: «*В сфере бизнеса, как и в юридической области, при формулировании установки на компромисс также существует опасность обесценивания его этической составляющей, ведь, в конце концов, банальная взятка также*

есть некая форма компромисса», «Таким образом, на уровне бытовой коррупции взятка — почти стопроцентная гарантия успеха»; «Взятка — это естественное и одобряемое обывателями решение житейских проблем»; «Без взяток ничего не сделать»; «Искусственно созданные барьеры преодолеваются только взятками». Таким образом, в целом осуждая взяточничество и продажность должностных лиц, в сложных ситуациях человек, заинтересованный в решении своей проблемы, готов прибегнуть к взятке.

Такое амбивалентное отношение к взяточничеству обусловлено исторически. По наблюдениям Г.М. Шипицыной, анализирующей значения слов *кормление* и *мздоимство*, «лексикон и фразеология русского языка свидетельствуют о том, что в ментальности нашего народа исторически не было сформировано непринятие взяточничества и мздоимства или их оценки как постыдных и недопустимых социальных пороков. Фактически и сколь-нибудь заметного ореола осуждения этих пороков в языковом материале прошлых эпох не просматривается» [10, с. 304–305].

Итак, в заключение отметим, что семантическое поле единиц, образуемое вокруг ключевого слова *взятка*, изменяется и количественно (происходит устаревание ряда единиц и появление новых лексических и фразеологических номинаций), и качественно (эвфемистические номинации указывают на изменение обвинительного уклона на амбивалентное отношение к взяточничеству как социальному пороку).

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: НОРМА, 2000. 400 с.
3. Марченко О.В. Семантический анализ слова взятка, или Сколько лексических лакун может скрывать одно юридическое понятие // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014. № 1. С. 26–32.
4. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык — Медия, 2005. 568 с.
5. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 431 с.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2001. 404 с.
7. Плотникова А.М. Речетворчество в криминальных диалогах // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2014. № 1. С. 66–72.
8. Лаппо М.А. Интенция кодирования в субкультурном дискурсе // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии», 2007. С. 327–337.
9. Киосе М.И. Техники и параметры непрямого наименования в тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 48 с.
10. Шипицына Г.М. Историко-лингвистический взгляд на концепт взяточничество // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 296–305.

References

1. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka. Gl. red. S.A. Kuznetsov* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. S.A. Kuznetsov (Ed.)]. SPb.: Norint, 2002, 1536 p. [in Russian].
2. Lesnievski-Kostareva T.A. *Differentsiatsiia ugovnoi otvetstvennosti. Teoriia i zakonodatel'naia praktika* [Differentiation of criminal liability. Theory and legislative practice] M.: Izdatel'stvo NORMA, 2000, 400 p. [in Russian].
3. Marchenko O.V. *Semanticheskii analiz slova vziatka, ili skol'ko leksicheskikh lakun mozhет skryvat' odno iuridicheskoe poniatie* [Semantic Analysis of the Word Bribe, or How Many Lexical Gaps May a Single Legal Concept Hide]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics. Intercultural communication], 2014, no. 19, pp. 26–32 [in Russian].
4. Aleksandrova Z.E. *Slovar' sinonimov russkogo iazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. M.: Russkii iazyk — Medii, 2005, 568 p. [in Russian].

5. Abramov N. *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenii* [Dictionary of Russian synonyms and similar expressions on sense]. M.: Russkie slovari, 1999, 431 p. [in Russian]

6. Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona / V.M. Mokienko, T.G. Nikitina* [A great dictionary of Russian jargon]. SPb.: Norint, 2001, 404 p. [in Russian].

7. Plotnikova A.M. *Rechetrochestvo v kriminal'nykh dialogakh* [Speech making in criminal interlocutions]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Serii: Iazyk. Sistema. Lichnost'. Lingvistika kreativa* [Ural Filological Bulletin. Series: Language. System. Personality. Linguistics of creativeness], 2014, no. 1, pp. 66–72 [in Russian].

8. Lappo M.A. *Intentsiia kodirovaniia v subkul'turnom diskurse* [Coding intention in subcultural discourse]. *Situatsionnaia i lichnostnaia determinatsiia diskursa. Pod red. N.D. Pavlovoi, I.A. Zachesovoi* [Situational and personal determination of discourse. N.D. Pavlova, I.A. Zachesova (Eds.)]. M.: Izd-vo «Institut psikhologii», 2007, pp. 327–337 [in Russian].

9. Kiose M.I. *Tekhniki i parametry nepriamogo naimenovaniia v tekste: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Methods and parameters of indirect nomination in the text: Extended abstract of Doctor's of Philological Sciences thesis]. M., 2015, 48 p. [in Russian].

10. Shipitsyna G.M. *Istoriko-lingvisticheskii vzgliad na kontsept vziatocchnichestvo* [Historical and linguistic point of view on the concept corruption]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Serii: Iazyk. Sistema. Lichnost'. Lingvistika kreativa* [Ural Filological Bulletin. Series: Language. System. Personality. Linguistics of creativeness], 2016, no. 2, pp. 296–305 [in Russian].

A.M. Plotnikova, K.V. Starikova*

DYNAMICS OF THE SEMANTIC FIELD OF THE WORD «ВЗЯТКА» (BRIBE) IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

The article discusses meanings of the words related to the semantic field of 'bribery', which is now growing in the Russian language. Drawing from various lexicographical sources, the author focuses on lexical and phraseological units denoting such social vice as bribery. It is shown how the word family with the common root "ВЗЯТК-" is expanding; how the meanings of the lexical units in this field are transformed; and how this semantic field functions in the legal discourse. Comparative analysis of the colloquial usage of these words and their usage as terms in professional discourse reveals significant differences in the meanings of certain units. The author used the Russian National Corpus to analyze the collocations of the word «взятка» and to reconstruct the perception of this phenomenon in Russian society. Special attention is paid to the system of euphemistic nominations performing various pragmatic functions: euphemisms conceal the real nature of such actions; change the negative evaluation of this phenomenon into positive; and reduce the communicative discomfort. The article describes how condemnation of bribery is replaced by a more ambivalent attitude in contemporary publicistic writings.

Key words: semantics, pragmatics, semantic field, euphemism, legal terminology

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.

The article received 06/VI/2016.

---

* Plotnikova Anna Mikhailovna (annamp@yandex.ru), Starikova Ksenia Vitalievna (starikovaksenija@yandex.ru), Department of Modern Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University, 19, Mira street, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation.

** The research is carried out with the financial support of the Program of increasing competitiveness of Ural Federal University for the period 2013–2012 (number of an agreement 02.A.03.21.0006).